

Борьба за признание или повышение статуса: условия устойчивости и развития непризнанных государств (на примере Евразии)¹

М.В. Братерский, А.С. Скриба, А.И. Сапогова

Братерский Максим Владимирович — д.полит.н., в.н.с. Лаборатории политической географии и современной геополитики факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Российская Федерация, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17; mbratersky@hse.ru

Скриба Андрей Сергеевич — к.полит.н., заведующий Лабораторией политической географии и современной геополитики факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Российская Федерация, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17; askriba@hse.ru

Сапогова Арина Игоревна — бакалавр международных отношений, стажер-исследователь Лаборатории политической географии и современной геополитики факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Российская Федерация, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17; asapogova@hse.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу перспектив изменения статуса непризнанных государств на примере государств Большой Евразии. Статус и признанность являются часто сопутствующими, но все же различными категориями в международных отношениях и международном праве. Статус определяет место государства в международной иерархии, так как структура международных отношений по своей природе иерархична. Признанность — это другая категория, которая определяет, признают ли другие страны данное государства за состоявшееся и обладающее суверенитетом. Суверенитет является третьей категорией, связанной с вопросом признания, но не полностью равной ему, так как подразделяется на внутренний и внешний (международный). Существуют примеры государств, обладающих внутренним суверенитетом, успешно контролирующих свою территорию и собирающих на ней налоги, при этом остающихся непризнанными другими государствами. В центре внимания данной статьи находится вопрос, может ли непризнанное государство, оставаясь таковым и не являясь членом «клуба» суверенных стран, повысить свой статус и укрепить свое положение в международной системе. В статье показано, что это вполне возможно и что отсутствие международного признания не является непреодолимой преградой для выживания и развития такой страны.

Ключевые слова: непризнанные государства, Большая Евразия, статус

Для цитирования: Братерский М.В., Скриба А.С., Сапогова А.И. Борьба за признание или повышение статуса: условия устойчивости и развития непризнанных государств (на примере Евразии) // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16. № 3. С. 203–219 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2021-03-09

¹ Статья поступила в редакцию 11.12.2020.

Конец XX — начало XXI в. стали периодом глубоких перемен на евразийском континенте, особенно в восточной и центральной его частях. Можно заметить кратное расширение и интенсификацию связей между странами Евразии в торговле, инвестициях, иных отраслях экономики, политической и других сферах. Вместе с тем параллельно с выстраиванием межгосударственных отношений сохраняет свою актуальность дальнейшая фрагментация этих акторов. На пространстве прежних многонациональных государств появляются или заявляют о себе моноэтнические национальные государства (nation-states). Чтобы объяснить этот процесс, одни ссылаются на циклы расцвета и заката империй [Pomper, 2005], другие — на демократизацию как стимул и инструмент обособления одной части общества от другой [Huntington, 1997]. Но в целом все теории и подходы, которые описывают фрагментацию, делают акцент на укрупненных объектах — первоначальных государствах. Между тем появление многих устоявшихся, однако (пока) не признанных международным сообществом территориальных единиц уже стало реальностью.

Причины их непризнанности вполне очевидны: появление новых государств, как правило, сопровождается их отделением (сецессией) от «материнских» многонациональных стран, часто вопреки нормам внутреннего законодательства, что не может устраивать тех, кто теряет территорию, людей, ресурсы и часть своего престижа. При этом международное право не имеет четкого ответа на вопрос, что делать в такой ситуации. С одной стороны, налицо право народа на самоопределение, с другой — имеет место нарушение принципа территориальной целостности. Если сторонам конфликта не удастся договориться о модели отделения, то вопрос признания, во-первых, становится зависимым от политической воли отдельных государств (готов ли кто-то поддерживать этот шаг), а во-вторых, не имеет универсальной реакции со стороны суверенных членов мирового сообщества. Как показывает практика, всегда находятся государства, сочувствующие распадающейся стране и не готовые пойти на официальное признание «сепаратистов».

Отсутствие международного признания накладывает определенные ограничения на государство, которое стало суверенным внутренне, но не получило международного суверенного статуса. Очевидно, что суверенитет является важным элементом статуса государств, на котором строится их дополнительная репутация, авторитет и влияние в международной системе, — все то, что обеспечивает условия для устойчивого существования и развития. В то же время возникает вопрос: является ли суверенитет в случае таких непризнанных государств «блокирующим» условием, или есть иные возможности добиться определенного статуса и улучшить свое положение?

Предлагаемая статья посвящена именно этому вопросу. Она организована следующим образом: в первой части мы определяем место непризнанных государств в современной международной среде. Вторая часть посвящена описанию трудностей, с которыми эти государства сталкиваются на пути своего признания, а также тому, что эти трудности означают для их развития. Третья часть исследует понятие статуса в международных отношениях и предлагает его более широкое понимание применительно к субъектам, которые не являются центрами силы в международных отношениях. В четвертой части на примере зависимых территорий мы показываем, что статус может быть достигнут и при отсутствии (или ограниченности) суверенитета, что, как показано в пятой части, является актуальным для молодых непризнанных государств Евразии.

Непризнанные государства и их место в международных отношениях

В результате деколонизации во второй половине XX в. концепция суверенного государства окончательно оформилась как ключевой элемент международной политики и системы международного права. Другие, колониальные, формы территориальных образований прекратили свое существование в результате распространения принципа суверенности, подкрепленного взаимным международным признанием и участием в международных организациях. Отсюда следует, что современные международные отношения — это отношения между суверенными странами. На этом принципе в значительной степени выстраивались и так называемые мейнстримные теории международных отношений — реализм и либерализм.

Тем не менее более пристальный взгляд на политическую карту мира покажет, что такие государства — главные, но не единственные ее элементы. Приходится констатировать, что далеко не все территориальные образования подпадают под определение суверенности в нашем исходном понимании. Здесь может оказаться полезным подход С. Краснера, который показал, что субъекты международных отношений могут отличаться по уровню их суверенности, включая обладание теми или иными составляющими суверенитета [Krasner, 1999]. Отсюда на современной политической карте можно обнаружить ряд форм политического устройства, отличающихся от конвенционального понимания суверенного государства. К таким можно отнести несколько ситуаций.

Во-первых, *зависимые территории*, которые имеют международное признание своего статуса. Хотя некоторые из них включены в список самоуправляющихся территорий ООН и характеризуются Генеральной Ассамблеей ООН как не способные в полной мере осуществлять самоуправление, в целом в вопросах внутреннего управления и развития зависимые территории обладают определенной автономией и самостоятельностью в принятии решений. Однако, несмотря на свой автономный статус, в контексте международных отношений эти территории (неслучайно слово «государство» в их отношении не употребляется) не являются акторами в полном смысле этого слова. Зачастую к таким территориям относят малые либо микросубъекты (за исключением, пожалуй, только Гренландии), которые объективно не обладали ни силой, ни волей для собственного самоопределения и окончательного дистанцирования от «патрона». Лучше всего об уровне их международной несамостоятельности говорит пример передачи Гонконга и Макао — соответственно, от Соединенного Королевства и Португалии Китаю в конце XX в., который обозначил две возможности: трансфера зависимой территории от одного собственника другому и ликвидации (пусть и постепенной) даже такого статуса внутренней автономии в пользу составной части суверенного государства.

Во-вторых, на карте мира есть многочисленные *политические образования* и *сепаратистские регионы* — плохо контролируемые пространства и спорные территории (де-юре принадлежащие государству, но де-факто не контролируемые им и иногда оспариваемые соседними странами). Они представляют собой серые зоны, которые не сложились как полноценные государственные образования. Такие зоны можно встретить в глубине континентов в слабозаселенных районах (джунгли Южной Америки, пустынные регионы Ближнего Востока, горные районы в центре Евразии), а также в местах исторических конфликтов — там, где государство оказалось вытеснено повстанческими или террористическими группировками.

Ключевое отличие этой группы от зависимых территорий — стремление к самоопределению и чаще всего независимости. Как правило, такие «отклонения» от суверенитета не признаются внутри страны и крайне редко получают признание на международном уровне из-за очевидных проблем с легитимностью. Последнее, в свою очередь, предопределяет внутреннюю конфликтность и нестабильность таких образований. Таким образом, главная особенность этих политических образований заключается в том, что они являются плохо управляемыми внутри и государственно не оформившимися территориями, возможные амбиции которых чаще всего не имеют четких географических границ и официально не поддерживаются другими странами.

В отличие от более анархичной второй группы политических образований, третья группа государств представлена достаточно структурированными субъектами, которые мы будем называть *непризнанными государствами*. На первый взгляд, можно предположить, что данная группа «стран» не сильно отличается от предыдущей, где также имеет место тяга к самоопределению. Тем не менее в нашей классификации мы делаем акцент на политической управляемости этих территорий (территориальность в противовес более анархичному термину «пространство»), а также государственности — оформившихся институтах управления. Иными словами, такие «государства», в отличие от предыдущей группы не имеющие всех признаков международной суверенности, характеризуются более высокой внутренней стабильностью и суверенностью, или, по крайней мере, управляемостью и ее четким географическим масштабированием. Именно за счет этих характеристик — стремление к самостоятельности и относительная устойчивость — непризнанные государства оказываются ближе к статусу акторов международных отношений.

Часто такие самопровозглашенные, но не признанные мировым сообществом страны описывают как «квазигосударства с внутренним суверенитетом» и противопоставляют «квазигосударствам — бывшим колониям», которые хоть и добились международного признания, но не сумели установить эффективный контроль над собственной территорией и внутренней политикой [Kolstø, 2006; Caspersen, 2011]. В отличие от последних, самопровозглашенные страны из третьей группы, как показывает практика, признаются не всеми суверенными государствами. Отсутствие общего признания лишает их возможности реализовать свой потенциал на международном уровне из-за дефицита правосубъектности. Вместе с тем даже ограниченное признание со стороны нескольких государств является важной поддержкой их государственного (суверенного) статуса, пусть и в усеченном виде.

Возвращаясь к теме внутреннего устройства непризнанных государств, приходится признать, что их политическая устойчивость (в нашем анализе — главное отличие третьей группы от второй) не всегда эквивалентна внутреннему суверенитету. Иногда устойчивость (как и само провозглашение независимости) является итогом внешних стимулов и, что немаловажно, внешней помощи [Jones, Clark, 2020]. Самые яркие примеры этого — Косово, Абхазия и Южная Осетия, чьи внутренние институты все еще хрупки, а стабильность зависит от внешней поддержки (будь то финансовой или консультационной).

Приведенная классификация условна и не претендует на окончательность и неизменность. Вместе с тем она позволяет лучше дифференцировать политические образования по степени их состоятельности, устойчивости и уровню интегрированности (или потенциала интеграции) в международную жизнь. Одни из них — зависимые территории — не состоялись как суверенные государства, но являются весьма устойчивыми территориальными единицами. Другие представляют собой плохо управляемые пространства с низким уровнем контроля над внутренней политикой и границами сво-

его влияния. Третьи — непризнанные государства — отличаются внутренней стабильностью и управляемостью, но признаны на международном уровне лишь частично, а потому не в полной мере реализуют свой потенциал.

Трудности становления непризнанных государств в Евразии

Тема непризнанных государств не нова, но до сих пор остается среди нерешенных проблем международных отношений. На сегодняшний день в мире насчитывается до 15 непризнанных государств (включая те, которые признаны частично). К таким мы относим устойчивые государственные образования, которые объявили о собственном отделении в четко очерченных границах и были признаны на международной арене (далеко) не всеми странами. Хотя критерии признания не до конца ясны (теоретически признание даже одним государством уже является признанием), все же считается, что признаком окончательного признания является вступление в ООН (при этом ООН, не будучи государством, правом признания не обладает).

Процесс признания осложняется тем, что хотя международное право и включает в себя право на самоопределение, на практике политика многих государств и международных институтов «зацементирована» на поддержании мира и территориальной целостности государств и в большинстве случаев интерпретирует «право на самоопределение» как право на самоопределение всего народа, проживающего в государстве, а не его отдельной части. В качестве основания для такой интерпретации приводятся резолюции Совбеза ООН по Родезии (резолюции № 216 и № 217 от 1965 г.), по Северному Кипру (№ 541 от 1983 г.), по Республике Сербской (№ 787 от 1992 г.). А так как все непризнанные государства появились в результате гражданских войн и сецессии против воли «материнского государства», то процесс их признания идет крайне тяжело и во многих случаях успехом не завершается.

В этом контексте не являются исключением непризнанные государства, образовавшиеся на территории бывшего Советского Союза. Южная Осетия и Абхазия появились в результате гражданских войн и этнических конфликтов, судьба еще нескольких политических образований пока окончательно не оформлена, и в будущем при определенном стечении обстоятельств они могут пополнить группу непризнанных государств постсоветского пространства (Приднестровье, Нагорный Карабах, ДНР и ЛНР). Подробнее о непризнанных государствах постсоветского пространства можно прочитать у нескольких авторов [Маркедонов, 2012; Kolossov, O'Loughlin, 1999; King, 2001; Lynch, 2002].

На пространстве Евразии существуют и другие примеры. Одним из частично признанных государств на Ближнем Востоке является Палестина, где законодательный орган объявил в 1988 г. о создании независимого государства в Восточном Иерусалиме. Другим примером непризнанного государства в Евразии является Турецкая Республика Северного Кипра, декларация о независимости которой была принята в 1983 г., однако так и не получила международного признания. Одним из наиболее интересных примеров непризнанного государства на евразийском пространстве является Тайвань, разногласия о его государственном статусе продолжают со времен гражданской войны в Китае. Поскольку 28 стран официально признали Тайвань как независимое государство, некоторые авторы предлагают классифицировать суверенный статус острова как среднее между «непризнанным государством» и «квазигосударством», то есть государство с неполным суверенитетом [Kolsto, 2006].

Отсутствие общего международного признания не является критическим, но, безусловно, осложняет жизнь и развитие молодых государств. Основной их проблемой

является отсутствие возможности принимать участие в международных политических и экономических институтах, которые формулируют «правила игры». Другой проблемой может быть то, что в непризнанных государствах часто наблюдается повышенная милитаризация и отвлечение ресурсов, необходимых для экономического развития, на оборону. Причиной милитаризации является тот факт, что международное право такое государство не защищает, и оно может рассчитывать только на себя или, при наличии, на тех внешних защитников, которые все же его признали. Есть и другие неудобства: ограничения в международном передвижении граждан, зависимость от «страны-патрона»², низкая инвестиционная привлекательность, хрупкость (в силу молодости и милитаризации) государственных институтов и проч.

Результатом действия этих факторов стало то, что некоторые непризнанные государства не сумели выжить и исчезли с политической карты. Среди них, например, два африканских государства, Катанга и Биафра, а также Тамил-Илам в Юго-Восточной Азии. Некоторые непризнанные государства в Восточной Европе были впоследствии включены в состав государств, получивших независимость после распада Югославии. Так, в 1995 г. Республика Сербская получила статус территориального образования в составе Боснии и Герцеговины, в то время как самопровозглашенное государство Республика Сербская Краина потеряло большую часть своей территории и было интегрировано в Хорватию.

Однако некоторые непризнанные государства оказываются вполне жизнеспособными. В их пользу действуют несколько факторов: высокий уровень спланированного населения национализма, милитаризация общества, слабость материнского государства, поддержка внешним «патроном» и отсутствие желания у международного сообщества вмешиваться в ситуацию [Kolstø, 2006]. То есть отсутствие признания как таковое не обрекает государство на неудачу. Пожалуй, одним из самых успешных примеров государств такого типа является Тайвань, где ВВП на душу населения один из самых высоких в мире, по данным МВФ (2020), а золотовалютные резервы страны составили 543,3 млрд долл., согласно данным центрального банка страны за 2020 г., — гораздо больше, чем у многих суверенных государств.

Вышеизложенное позволяет сделать допущение, что ключевым параметром выживания после «огосударствления», то есть формирования территории и институтов, является не только и не столько признание, сколько экономическое и социальное развитие. Следовательно, для непризнанных государств (третья группа в нашей классификации) главным становится вопрос о поддержании собственного развития именно в условиях долгосрочного непризнания.

К анализу данного вопроса можно подойти с разных сторон. Первая — это относительно новый подход в теории международных отношений, который оценивает устойчивость государства и его успех на мировой арене через призму статуса. Хотя основной пласт литературы по этой теме посвящен суверенным странам, мы полагаем, что он может оказаться полезным и при анализе выживания менее суверенных акторов. Второй подход — исследовать опыт зависимых территорий из первой группы нашей классификации (зависимые территории), которые успешно комбинируют неполный суверенитет и долгосрочное развитие. На основании этого можно будет сформулировать гипотезу, каким образом статус может влиять на выживание и устойчивое развитие международных акторов с ограниченным признанием.

² О формах и степени такой зависимости см.: Tokarev A., Margoev A., Prikhodchenko A. The statehood of Eurasia's de facto states: an empirical model of engagement by great powers and patrons // *Caucasus Survey*. 2021. No. 1. P. 27.

Проблема статуса в международных отношениях и непризнанные государства

Один из классиков современной политической науки Р. Гилпин заметил, что «статус является конечной целью политических лидеров, многие из которых одержимы инвестированием в него, его достижением и защитой» [Gilpin, 1983].

Попробуем перенести этот тезис на уровень международных отношений. С одной стороны, как известно, отношения между государствами развиваются в условиях анархии — одной из ключевых характеристик международной системы. С другой стороны, несмотря на отсутствие всесильного авторитета-гегемона, который мог бы преодолеть анархию и диктовать всем единые «правила игры», эти отношения подчиняются установившимся иерархичным структурам, в которых одни государства оказываются под влиянием других, более сильных. Такая ситуация описывает не только отдельные институты (например, Совет Безопасности ООН, где у пяти стран есть эксклюзивное право вето), но и подразумевает способность одного государства воздействовать на внешнюю политику другого как по военным вопросам, так и с точки зрения экономических отношений в целом [Lake, 2009]. Отсюда следует, что статус описывает занимаемую государством позицию в международной системе (иерархии) относительно положения других государств [Renshon, 2017].

Из других исследований можно заключить, что статус в международных отношениях тесно связан не только с понятием авторитета, то есть способностью государства проецировать свое влияние на других акторов, навязывая определенный шаблон поведения [Lake, 2014], но и с легитимностью власти. Иными словами, имидж государства, его авторитет и статус, которые создаются и впоследствии поддерживаются через взаимодействие между государствами, являются своеобразной «надстройкой» над признанием страны. Это говорит о том, что сила сама по себе не определяет статус, если она не признается и тем более отвергается как нелегитимная другими участниками международной системы. Именно признание и принадлежность к семье суверенных государств являются основой для развития и усиления статуса в международной системе.

Статус и поиск международного престижа в понимании классического и структурного реализма считались одной из первоочередных задач государств, стремящихся усилить свое влияние на международной арене и таким образом повысить шансы на выживание [Mearsheimer, 2001; Morgenthau, 1948]. В то же время за последние десятилетия понятие статуса в международной системе претерпело ряд значительных изменений в результате глобализации, распространения модели рыночной экономики и возрастания роли экономических факторов как главных детерминантов государственной силы [Gilpin, 1981]. С развитием экономических отношений участие в международной торговле и разделении труда постепенно вытеснило территориальную экспансию как инструмент увеличения силы и максимизации благосостояния государства [Gilpin, 1981]. В результате статус государства стал зависеть от способности взаимодействовать с другими акторами еще и в международной экономической системе, включая торговые и финансовые отношения.

Можно подытожить, что статус — это место страны в мировой или региональной иерархии, ее ранг в статусном сообществе. При этом само сообщество может быть глобальным, региональным или локальным — в зависимости от референтной группы, которую мы применяем к оценке статуса некоего государства. Во всех этих случаях статус также часто понимается как ранг, порядковый номер страны в глазах других членов сообщества, то есть группы стран, с которыми государство соперничает и сравнивает

себя [Renshon, 2017]. Некоторые специалисты также считают, что статус государства связан с членством в статусной группе [Lake, 2014]. Так, Россия в 1990-е годы стремилась к членству в «Группе семи» в основном из соображений повышения своего статуса. Собственно, на мировом уровне главной такой группой является ООН, подтверждающая суверенный статус своих членов.

Статус бывает универсальным и партикулярным. Страна может обладать высоким статусом в конкретной области, например, быть образцом экономического роста или иметь харизматичного лидера, или славиться своими компьютерными инженерами, но не обладать статусом в других областях. Так получается из-за того, что мировая система включает не одну, а множество иерархий (подробнее об этом см. [Lake, 2011]). Та страна, которая занимает высокие места во множестве иерархий, обладает и высоким универсальным статусом.

Чаще всего современные исследования статуса сосредоточены на крупных государствах и центрах силы [Johnston, 2003; Chan, 2007; Murray, 2018; Krickovic, Weber, 2018]. Это неудивительно: такие страны обладают не только суверенитетом и международным признанием, но и силой, которую можно конвертировать и инвестировать в статус. Тем более что именно эти страны диктуют правила игры и функционирования многих международных и региональных институтов. Однако, как мы показали выше, сила в данном случае хотя и является важным фактором, но все же остается надстройкой над самим фактом взаимодействия государства с другими странами и создания им соответствующей репутации, авторитета и статуса. И если в современном мире мы имеем дело с множественностью статусов, то вопрос о том, могут ли малые (менее сильные) государства достигнуть статуса, который позволит им конвертировать его в выгоды для собственного развития, а также является ли международное, в противовес региональному или локальному, признание обязательным условием для этого, уже не кажется столь проигрышным для более слабых участников международных отношений. Исследования показывают, что и среди малых стран можно найти удачные примеры использования своего статуса на пользу развитию. Так, Н. Кавешников указывает на выгоды, которые получают от своего статуса «банкаира» некоторые европейские страны (Мальта, Кипр, Люксембург), упоминает выгоду Гонконга как «окна в мир» для Китая и торговые ворота в эту страну для остального мира [Кавешников, 2008].

Таким образом, если мы понимаем международные отношения во всем их многообразии, то есть включая весь спектр их акторов, в том числе и непризнанных, то и к понятию статуса также следует подходить более гибко. Это касается и географии его признания (будь то весь мир или отдельный регион или субрегион), и его составных элементов, где помимо абсолютного и общепризнанного суверенитета еще могут быть и функции, которые международный субъект выполняет в том или ином сообществе государств. И если эти функции выполняются в соответствии с общепринятыми правилами, то это придает такому государству не просто механическую роль в системе, а именно статус государства-актора (вне вопросов признания), выполняющего эту роль. Отсюда можно предположить, что в вопросах статуса и для малых стран, и для других политических акторов, которые мы рассматриваем в данной статье, все же есть пространство для самовыражения и самореализации. Анализируя с этой точки зрения позитивный и негативный опыт развития их статуса, мы сможем обнаружить влияние этого фактора на возможности других, не в полной мере суверенных субъектов.

Опыт использования своего статуса зависимыми территориями и частично признанными государствами

Несмотря на то что малые и микросоударства, а также зависимые территории имеют ограниченную степень автономности (поскольку первые в своих действиях зависимы от решений крупных центров силы, а вторые формально не являются суверенными), многие из них характеризуются сравнительно высоким уровнем развития экономики и интегрированности в мировое экономическое пространство. Именно экономическая интеграция представляется наиболее подходящей стратегией для малых и микросоударств, многие из которых успешно установили гибкую систему торговых связей с экономически более развитыми странами [Armstrong, Read, 2002]. Так, в ряде случаев ограниченная политическая автономность компенсируется благодаря вовлеченности в мировую финансовую систему в качестве офшорных зон (например, Фарерские и Карибские острова). Иные фокусируются на развитии нишевых рынков, включая финансовую отрасль (некоторые островные государства, такие как Американское Самоа, Сент-Люсия, Тринидад и Тобаго), а также туризма (Фиджи и Маврикий). Таким образом они привлекают иностранный капитал, который нивелирует ограниченность внутреннего рынка и отсутствие богатого ресурсного потенциала.

Способность малых и микросоударств с ограниченной автономностью создать выгодную правовую основу для ведения торговых и финансовых операций с более развитыми партнерами обеспечивает их стабильное экономическое развитие, которого было бы невозможно достичь благодаря только лишь статусу суверенного государства. Суверенитет и большая степень автономности не способны предложить дополнительных преимуществ, которые бы отсутствовали у зависимых территорий [Armstrong, Read, 2002]. Неслучайно только два зависимых островных государства — Палау и Восточный Тимор — получили суверенный статус в течение последних 40 лет, из чего ученые делают вывод, что «субнациональные островные юрисдикции» не стремятся к большей автономии либо суверенному статусу [Grydehøj, 2020]. Исследования показывают, что даже в Гренландии, которая имеет достаточную степень автономности от Дании, а также довольно высокий уровень экономической самостоятельности, полный отказ от внешнеэкономической помощи ради достижения полного суверенитета представляется невыгодной стратегией [Grydehøj, 2020].

Многие развивающиеся малые и микросоударства, включая островные территории с ограниченной степенью автономности, также зависят от потоков внешней помощи. Установление устойчивых экономических связей с государствами-метрополиями, которые чаще всего являются бывшими колониальными империями, позволяет зависимым территориям обеспечить непрерывный поток ресурсов [Grydehøj, 2020]. Во второй половине XX в. после распада колониальных империй ряд таких стран, например Куба и Тайвань, были вписаны в биполярную конфронтацию, отчего тоже выигрывали экономически [Schmitt, 2021]. Тем не менее, несмотря на независимость (если таковая вообще имеет место), влияние внешних акторов — по большей части бывших колониальных империй — не исчезло с окончанием холодной войны. Так, Британские заморские территории в районе Карибского бассейна по-прежнему находятся под значительным экономическим и политическим влиянием метрополии.

Любопытно, что исторические примеры использования своего «нишевого статуса» и его конвертации в ресурсы развития можно найти не только среди малых и микросоударств (то есть суверенных) и зависимых территорий (не суверенных, но признанных), но также и среди частично признанных государственных образований.

Одним из главных положительных примеров является Тайвань, который демонстрировал опережающую динамику экономического роста в последние десятилетия, несмотря на формальное непризнание многими странами мира из-за политики континентального Китая. Тайвань успешно поддерживает экономические связи с государствами Азии, Европы и Америки, включая таких крупных партнеров, как Япония, Китай, США, Южная Корея и Саудовская Аравия, а также международными институтами (например, Тайвань имеет членство в ВТО, АТЭС, Азиатском банке развития и других региональных экономических организациях). Одной из причин успеха называется установление эффективного контроля Тайваня над группой островов в Тайваньском проливе в результате военного столкновения с Китаем во второй половине XX в. [Shaw, 1985]. Несмотря на то что оспариваемые Цзиньмэнь и Мацу географически расположены вблизи материковых границ КНР, способность правительства Тайваня установить и сохранить контроль над данными офшорными островами позволила Тайваню впоследствии получить статус одного из ведущих финансовых центров Азии и мира в целом. Разумеется, нельзя не признать и важность определенной политической и экономической поддержки, исходившей от США и Японии.

Другим примером, хотя и далеко не столь успешным, является Палестина, чьи возможности развития в течение десятилетий были значительно ограничены из-за недостатка внутренней управляемости и политической стабильности. Несмотря на попытку разрешения израильско-палестинского конфликта в 1990-х годах, подписанные соглашения в Осло и передача национальной администрации Палестины ответственности по ряду вопросов не привели к урегулированию существующих разногласий между Израилем и Организацией освобождения Палестины. В результате регулярное возобновление военных действий не позволяет обеспечить устойчивое развитие на этой территории, в то время как значительная часть населения находится на грани бедности [Farsakh, 2008]. Отсюда можно предположить, что акцент на борьбе за независимость, укрепившийся в палестинском обществе, приводит к радикализации политической повестки и объективному отсутствию условий для создания статуса, необходимого для привлечения внешних ресурсов в экономику даже на региональном уровне.

В целом мы приходим к выводу, что акцент на борьбе за свой полный суверенитет не только не позволяет успешно развиваться, но в определенной степени противоречит целям развития. Более того, именно отказ от автаркичной модели в пользу встраивания в международную экономическую (при этом не обязательно политическую) систему является условием экономического роста и повышения уровня жизни населения. Это в полной мере касается стран и территорий, чей статус общепринят и признан (малые и микросоциальства, зависимые территории). А раз эти функциональные элементы статуса в меньшей степени зависят от общемирового консенсуса, то можно предположить, что их наличие или отсутствие влияет на состоятельность непризнанных государств не только (а возможно, и не столько) в мировом масштабе, сколько на региональном уровне.

Непризнанные государства Евразии: проблема признания или проблема статуса?

На евразийском пространстве появление непризнанных государств во второй половине XX в. в той или иной степени было связано с двумя событиями: деколонизацией и распадом многонациональных государств. В некоторых случаях эти процессы могли пересекаться. Вместе с тем во всех примерах эти «страны», которые не сумели добиться быстрого

международного признания, вынуждены были искать способы обеспечить свою устойчивость и развитие в условиях ограниченного международного суверенитета.

Сегодня к таким государствам на евразийском континенте можно отнести ряд стран. Во-первых, Тайвань, который обособился от континентального Китая в результате гражданской войны, ставшей следствием борьбы против японского колониализма. Во-вторых, Турецкая Республика Северного Кипра, появившаяся вследствие распада Османской империи и мандатной системы управления территориями до обретения ими суверенитета. В-третьих, Косово, проблема которого оставалась нерешенной после распада Югославии. В-четвертых, Абхазия и Южная Осетия, независимость и частичное признание которых также связаны с последствиями распада многонационального СССР.

В число этих примеров мы не включили такие кейсы, как Приднестровье и Нагорный Карабах, Палестину, а также некоторые другие сепаратистские движения в европейских странах (включая Каталонию и Шотландию). В основе нашего выбора лежал критерий высокой степени государственности, в рамках которого к непризнанным государствам мы относим лишь те случаи, где удалось добиться контроля над четко ограниченной территорией и установить там – самостоятельно или при внешней поддержке – устойчивый государственный порядок. В иных случаях речь может идти о государственном образовании или политических движениях, которые поддерживаются извне, но которые не обладают устойчивым внутренним суверенитетом.

Тем не менее все эти случаи говорят о том, что процесс национального самоопределения на евразийском пространстве не завершен. Мир суверенных государств, от которого мы изначально отталкивались, является главным, но не единственным критерием современных международных отношений. Новые государства постоянно появляются, и для некоторых из них существование без всеобщего признания и за рамками институтов, созданных суверенными государствами, становится рутинной. Как в этом случае обеспечить не только выживание, но также внутреннюю устойчивость и развитие?

Очевидно, что борьба за суверенитет как цель вступления в клуб суверенных государств со всеми сопутствующими выгодами от такого положения не может рассматриваться как главная стратегия. Приведенные выше примеры непризнанных государств Евразии наглядно подтверждают консервативность международного сообщества в данном вопросе. Практика показывает, что если суверенитет не признан в первые месяцы или годы после объявления независимости, то в дальнейшем борьба за всеобщее международное признание имеет не много шансов на успех. Логично предположить, что в этом случае концентрация всех дипломатических и экономических усилий на подтверждении собственной независимости может быть популярной (так же как и популистской) стратегией, но экономически такая политическая линия не вполне целесообразна.

В то же время опыт непризнанных государств Евразии, за исключением Тайваня, показывает, что частичное признание имеет четкую региональную или локальную специфику – «ядро» стран, признавших суверенитет, находится в том же регионе/субрегионе, что и само непризнанное государство. Так, Косово признается странами Европейского союза, Абхазия и Южная Осетия – Россией, Северный Кипр – Турцией. Отсюда следует предположение, что непризнанные государства могут попробовать встроиться в локальные и субрегиональные торговые, экономические и финансовые структуры, которые в Евразии сейчас активно развиваются.

Разумеется, эта стратегия не является такой прямолинейной, как в случае зависимых территорий, чей международный статус общепризнан. Такая стратегия может

встретиться с несколькими препятствиями. Во-первых, географическое положение страны может затруднить выбор возможных партнеров. Хотя заметим, что в случае Швейцарии или Люксембурга, а также отдаленных от континентов островных квазигосударств и зависимых территорий географическое положение государства не стало препятствием. Во-вторых, ряд государств, которые не только не признают независимость новообразованного государства, но и активно борются против его самостоятельности, будут всячески препятствовать его встраиванию даже в неполитические структуры.

Несмотря на существование возможных помех, преимущества от смены целеполагания с обретения международного суверенитета (признания) в пользу укрепления функциональных элементов статуса государства, оказывающего услуги всем на равных условиях и вне зависимости от готовности к политическому признанию этого государства, видятся более выигрышными по нескольким причинам. Прежде всего, такой подход снижает уровень конфликтности. Если тема борьбы за всеобщее признание снимается с повестки, а государственное образование, имея определенные гарантии безопасности, например, от патрона или признавшего ее партнера, занимается развитием экономических связей без предварительных условий, то мировые центры силы будут в меньшей степени заинтересованы в политизации и проблематизации вопроса признания. Напротив, чрезмерный акцент на вопросах безопасности и военного сотрудничества в ущерб экономике будет работать на воспроизводство конфликта в региональном и даже международном контексте. Наряду с этим фокусирование на экономической сфере позволит сосредоточить ресурсы на укреплении внутренней устойчивости государства и его экономическом развитии, что в долгосрочной перспективе отсутствия международного признания представляется более целесообразным. Не следует также сразу ставить перед собой глобальные цели. В Евразии активно идут процессы регионализации, в том числе на локальном и субрегиональном уровне, и именно со встраивания в эти процессы и следует начинать.

* * *

В фокусе данной статьи непризнанные (частично признанные) государства, обладающие определенным уровнем суверенитета и внутренней стабильности и устойчивости, но не имеющие полного статуса признанного суверенного государства и членства в ООН. Авторы попытались показать, что традиционная логика соотношения статуса и суверенитета (сначала суверенитет, потом статус) не всегда применима к малым непризнанным государствам Евразии. Для крупных устоявшихся государств статус является своего рода надстройкой над суверенитетом. Многовековая государственность, устойчивые геополитические интересы, долгая история соперничества и сотрудничества с партнерами для крупных исторически сложившихся государств являются данностью, и их статус нарабатывается на существующей основе в соответствии с их успехами и слабостями в тот или иной период.

У молодых непризнанных государств такой прочной основы нет, и ее создание и укрепление может занять долгое время. У непризнанных государств, чей суверенитет не может быть быстро достроен, статус должен создаваться на другой основе. Для этого в статье мы расширяем понимание статуса и включаем в него (помимо суверенитета) иные основы авторитета, такие как уровень интегрированности в международное (или региональное) сообщество и выполнение определенных функций. В дальнейшем это может стать важным теоретическим вкладом в развитие темы статуса применительно к международным отношениям.

Хотя тема суверенитета для непризнанных государств очень важна, ее приоритетность и абсолютность (неделимость суверенитета) в вопросах выживания и развития весьма условна. Без полного суверенитета и признания более важным становится создание альтернативного, неполитического статуса, который позволит найти нишу в других сферах, оставив в стороне вопрос суверенности на международном уровне. Подобный вывод основывается на позитивном опыте как зависимых территорий, так и отдельных непризнанных государств, прежде всего Тайваня. Косвенно такой вывод подтверждается и отсутствием существенных экономических результатов у многих непризнанных государств Евразии, которые сконцентрировали свои усилия на завоевании признания (международного суверенитета), но пока не предпринимают усилий по реализации себя в ином статусе.

Следует подчеркнуть, что международное признание (внешний суверенитет) не является панацеей для становления молодого государства, а непризнанность не является критической проблемой. К тому же преодолеть непризнанность очень трудно, а порою и вовсе невозможно. С другой стороны, добиться определенного статуса, и особенно — на региональном уровне, среди соседей и заинтересованных в определенных услугах стран — вполне возможно. Именно это подтверждает акторность такого государства и может стать первым шагом на пути конвертации его внутренней устойчивости и, в каком-то смысле, внутренней состоятельности в полноценное международное признание.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Кавешников Н.Ю. (2008). Малые и вредные? // Международные процессы. Т. 6. № 3 (18). С. 84–92.
- Караганов С.А. (2019). Россия — возвращение домой (вместо предисловия) // Вопросы географии / под ред. В.М. Котлякова, В.А. Шупера. М.: ВОО «Русское географическое общество». С. 9–15.
- Маркедонов С. (2012). Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства // Аналитические доклады Института Кавказа / под ред. А. Искандаряна. Ер.: Фонд «Институт Кавказа». С. 7–179.
- Armstrong H.W., Read R. (2002). Small States, Islands and Small States That Are Also Islands // *Studies in Regional Science*. Vol. 33. No. 1. P. 237–260. <https://doi.org/10.2457/srs.33.237>.
- Caspersen N. (2011). Democracy, Nationalism and (Lack of) Sovereignty: The Complex Dynamics of Democratisation in Unrecognised States // *Nations and Nationalism*. Vol. 17. No. 2. P. 337–356. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2010.00471.x>.
- Chan S. (2007). *China, the US and the Power-Transition Theory: A Critique*. Routledge.
- Farsakh L. (2008). The Political Economy of Israeli Occupation: What Is Colonial About It? // *The MIT Electronic Journal of Middle East Studies*. Vol. 8. No. 42. P. 42–58. Режим доступа: https://dome.mit.edu/bitstream/handle/1721.3/177980/MITEJMES_Vol_8_Spring2008.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 09.08.2021).
- Gilpin R. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gilpin R. (1983). *War and change in world politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Grydehøj A. (2020). Unravelling Economic Dependence and Independence in Relation to Island Sovereignty: The Case of Kalaallit Nunaat (Greenland) // *Island Studies Journal*. Vol. 15. No. 1. P. 89–112. <https://doi.org/10.24043/isj.101>.
- Huntington S.P. (1997). After Twenty Years: The Future of the Third Wave // *Journal of Democracy*. Vol. 8. No. 4. P. 3–12. <https://doi.org/10.1353/jod.1997.0059>.

International Monetary Fund (IMF) (2020). World Economic Outlook, October 2020: A Long and Difficult Ascent. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/09/30/world-economic-outlook-october-2020> (дата обращения: 09.12.2021).

Johnston A.I. (2003) Is China a Status Quo Power? // *International Security*. Vol. 27. No. 4. P. 5–56. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/4137603>.

Jones A., Clark J. (2020) Political Geography and Political Science: Common Territory? // *Geopolitics*. Vol. 25. No. 2. P. 472–478. <https://doi.org/10.1080/14650045.2019.1643161>.

Kaveshnikov N.Y. (2008). *Malye i vrednye?* [Small and Mischievous?] // *Mezhdunarodnye process*. Vol. 6. No. 3 (18). P. 84–92. (In Russian)

King C. (2001). The Benefits of Ethnic War: Understanding Eurasia's Unrecognized States // *World Politics*. Vol. 53. No. 4. P. 524–552. <https://doi.org/10.1353/wp.2001.0017>.

Kolossov V., O'Loughlin J. (1998) Pseudo-States as Harbingers of a New Geopolitics: The Example of the Trans-Dniester Moldovan Republic (TMR) // *Geopolitics*. Vol. 3. No. 1. P. 151–176. <https://doi.org/10.1080/14650049808407612>.

Kolstø P. (2006). The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States // *Journal of Peace Research*. Vol. 43. No. 6. P. 723–40. <https://doi.org/10.1177/0022343306068102>.

Krasner S.D. (1999). *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton University Press.

Krickovic A., Weber Y. (2018). What Can Russia Teach Us About Change? Status-Seeking as a Catalyst for Transformation in International Politics // *International Studies Review*. Vol. 20. No. 2. P. 292–300. <https://doi.org/10.1093/isr/viy024>.

Lake D.A. (2009). Open economy politics: A critical review // *The Review of International Organizations*. Vol. 4 (3). P. 219–244.

Lake D.A. (2011). *Hierarchy in international relations*. Ithaca: Cornell University Press.

Lake D.A. (2011). *Hierarchy in International Relations*. Ithaca: Cornell University Press.

Lake D.A. (2014). Status, authority, and the end of the American century // *Status in world politics*. P. 246–269.

Lynch D. (2002). Separatist States and Post-Soviet Conflicts // *International Affairs*. Vol. 78. No. 4. P. 831–848. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.00282>.

Mearsheimer J.J. (2001). *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: Norton.

Morgenthau H. (1948). *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. N.Y.: Knopf.

Murray M. (2018). *The Struggle for Recognition in International Relations: Status, Revisionism, and Rising Powers*. Oxford: Oxford University Press.

Pomper P. (2005). The History and Theory of Empires // *History and Theory*. Vol. 44. No. 4. P. 1–27. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2005.00340.x>.

Renshon J. (2017). *Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics*. Princeton: Princeton University Press.

Schmitt M. (2021). Turning Cuba's internet back on: international legal options. *Just Security*.

Shaw Y.-M. (1985). The Future of Taiwan: A View From Taipei // *Foreign Affairs*. Vol. 63. No. 5. P. 1050–1063. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1985-06-01/future-taiwan-view-taipei> (дата обращения: 09.08.2021).

Tokarev A., Margoev A., Prihodchenko A. (2021). The Statehood of Eurasia's De Facto States: An Empirical Model of Engagement by Great Powers and Patrons // *Caucasus Survey*. P. 1–27. <https://doi.org/10.1080/23761199.2020.1870076>.

Trading Economics (2020). Taiwan Foreign Exchange Reserves. Режим доступа: <https://tradingeconomics.com/taiwan/foreign-exchange-reserves> (дата обращения: 09.12.2021).

The Struggle for Recognition or Enhancement of Status: Conditions for the Stability and Development of Unrecognized States Using the Example of Eurasia¹

M. Bratersky, A. Skriba, A. Sapogova

Maxim Bratersky – Doctor of Sciences in Political Science, Leading Research Fellow, Laboratory for Political Geography and Contemporary Geopolitics, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University; 17 Malaya Ordynka Ulitsa, Moscow, 119017, Russian Federation; mbratersky@hse.ru

Andrei Skriba – Candidate of Sciences (PhD), Laboratory Head, Laboratory for Political Geography and Contemporary Geopolitics, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University; 17 Malaya Ordynka Ulitsa, Moscow, 119017, Russian Federation; askriba@hse.ru

Arina Sapogova – BSc of International Relations, Research Assistant, Laboratory for Political Geography and Contemporary Geopolitics, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University; 17 Malaya Ordynka Ulitsa, Moscow, 119017, Russian Federation; asapogova@hse.ru

Abstract

In this article, the prospects or changing the status of unrecognized states in Greater Eurasia are analyzed. Status and recognition are close but distinct categories in international relations (IR) theory and international law. Status defines a state's rank in the hierarchical international system. Recognition is a different category; legally, it defines whether other states recognize a particular state as fully established and sovereign. Sovereignty is a third category related to the issue of recognition but not equal to it since it includes internal and external (international) sovereignty. There are examples of sovereign states that effectively control their territories and collect taxes, but which are not recognized as sovereign by other states.

The analysis in this article focuses on whether an unrecognized state can strengthen its status and improve its position in the international system. It is argued that this is possible, and that the absence of international recognition should not be regarded as an unsurpassable impediment to the economic development of the country.

Keywords: unrecognized states, Greater Eurasia, status

For citation: Bratersky M., Skriba A., Sapogova A. The Struggle for Recognition or Enhancement of Status: Conditions for the Stability and Development of Unrecognized States Using the Example of Eurasia. *International Organisations Research Journal*, 2021, vol. 16, no 3, pp. 203–219 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2021-03-09

References

- Armstrong H.W., Read R. (2002). Small States, Islands and Small States That Are Also Islands. *Studies in Regional Science*, vol. 33, no 1, pp. 237–60. <https://doi.org/10.2457/srs.33.237>.
- Caspersen N. (2011). Democracy, Nationalism and (Lack of) Sovereignty: The Complex Dynamics of Democratisation in Unrecognised States. *Nations and Nationalism*, vol. 17, no 2, pp. 337–56. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2010.00471.x>.
- Chan S. (2007). *China, the US and the Power-Transition Theory: A Critique*. Routledge.

¹ This article was submitted 11.12.2020.

- Farsakh L. (2008). The Political Economy of Israeli Occupation: What Is Colonial About It? *The MIT Electronic Journal of Middle East Studies*, vol. 8, no 42, pp. 42–58. Available at: https://dome.mit.edu/bitstream/handle/1721.3/177980/MITEJMES_Vol_8_Spring2008.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 09.08.2021).
- Gilpin R. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gilpin R. (1983). *War and change in world politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Grydehøj A. (2020). Unravelling Economic Dependence and Independence in Relation to Island Sovereignty: The Case of Kalaallit Nunaat (Greenland). *Island Studies Journal*, vol. 15, no 1, pp. 89–112. <https://doi.org/10.24043/isj.101>.
- Huntington S. P. (1997). After Twenty Years: The Future of the Third Wave. *Journal of Democracy*, vol. 8, no 4, pp. 3–12. <https://doi.org/10.1353/jod.1997.0059>.
- International Monetary Fund (IMF) (2020). World Economic Outlook, October 2020: A Long and Difficult Ascent. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/09/30/world-economic-outlook-october-2020> (accessed 9 August 2021).
- Johnston A.I. (2003). Is China a Status Quo Power? *International Security*, vol. 27, no 4, pp. 5–56. Available at: <https://www.jstor.org/stable/4137603>.
- Jones A., Clark J. (2020). Political Geography and Political Science: Common Territory? *Geopolitics*, vol. 25, no 2, pp. 472–8. Available at: <https://doi.org/10.1080/14650045.2019.1643161>.
- Kaveshnikov N.Y. (2008). Malye i vrednye? [Small and Mischievous?]. *Mezhdunarodnye processy*, vol. 6, no 3 (18), pp. 84–92. (In Russian)
- King C. (2001). The Benefits of Ethnic War: Understanding Eurasia's Unrecognized States. *World Politics*, vol. 53, no 4, pp. 524–552. <https://doi.org/10.1353/wp.2001.0017>.
- Kolossov V., O'Loughlin J. (1998). Pseudo-States as Harbingers of a New Geopolitics: The Example of the Trans-Dniester Moldovan Republic (TMR). *Geopolitics*, vol. 3, no 1, pp. 151–76. <https://doi.org/10.1080/14650049808407612>.
- Kolstø P. (2006). The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States. *Journal of Peace Research*, vol. 43, no 6, pp. 723–40. <https://doi.org/10.1177%2F0022343306068102>.
- Krasner S.D. (1999). *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton University Press.
- Krickovic A., Weber Y. (2018). What Can Russia Teach Us About Change? Status-Seeking as a Catalyst for Transformation in International Politics. *International Studies Review*, vol. 20, no 2, pp. 292–300. <https://doi.org/10.1093/isr/viy024>.
- Lake D.A. (2009). Open economy politics: A critical review. *The Review of International Organizations*, 4 (3), 219–244.
- Lake D.A. (2011). *Hierarchy in international relations*. Ithaca: Cornell University Press.
- Lake D.A. (2011). *Hierarchy in International Relations*. Ithaca: Cornell University Press.
- Lake D.A. (2014). Status, authority, and the end of the American century. *Status in world politics*, pp. 246–269.
- Lynch D. (2002) Separatist States and Post-Soviet Conflicts. *International Affairs*, vol. 78, no 4, pp. 831–48. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.00282>.
- Markedonov S.M. (2012). De-fakto obrazovaniya postsovetskogo prostranstva: dvadcat' let gosudarstvennogo stroitel'stva. [De Facto Formation of the Post-Soviet Space: Twenty Years of State Building]. *Institut Kavkaza*, no 5, pp. 7–179. (In Russian)
- Mearsheimer J.J. (2001). *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: Norton.
- Morgenthau H. (1948). *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Knopf.
- Murray M. (2018). *The Struggle for Recognition in International Relations: Status, Revisionism, and Rising Powers*. Oxford University Press.
- Pomper P. (2005). The History and Theory of Empires. *History and Theory*, vol. 44, no 4, pp. 1–27. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2005.00340.x>.

Renshon J. (2017). *Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics*. Princeton: Princeton University Press.

Schmitt M. (2021). Turning Cuba's internet back on: international legal options. *Just Security*.

Shaw Y.-M. (1985). The Future of Taiwan: A View From Taipei. *Foreign Affairs*, vol. 63, no 5, pp. 1050–63. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1985-06-01/future-taiwan-view-taipei> (accessed 9 August 2021).

Tokarev A., Margoev A., Prihodchenko A. (2021). The Statehood of Eurasia's De Facto States: An Empirical Model of Engagement by Great Powers and Patrons. *Caucasus Survey*, pp. 1–27. <https://doi.org/10.1080/23761199.2020.1870076>.

Trading Economics (2020). Taiwan Foreign Exchange Reserves. Available at: <https://tradingeconomics.com/taiwan/foreign-exchange-reserves> (accessed 9 August 2021).